

Цзинь Сюй сказал:

— Возможно, Юй Тао боялся, что мы, полицейские, окажемся слишком некомпетентными и не сможем найти Лю Вэйдуну, поэтому он любезно оставил орудие убийства с отпечатками пальцев Лю Вэйдуну?

Шан Ян был потрясен этой догадкой и сразу же задал новый вопрос:

— Если Лю Вэйдун не убийца, как объяснить отпечатки пальцев на орудии убийства?

Цзинь Сюй ответил:

— Это была мотыга. Кроме обработки земли, ею можно копать могилы.

Шан Ян: «...»

То, что Лю Вэйдун участвовал в раскопке могил и оставил отпечатки пальцев на мотыге, было вполне естественно.

А если Юй Тао надел перчатки, когда убивал, то не оставил бы отпечатков... Точно!

— Минивэн! — Шан Ян внезапно вспомнил что-то.

— Что? — Цзинь Сюй на этот раз замешкался.

Шан Ян объяснил:

— В минивэне Цзя Пэнфэя были найдены только отпечатки Лю Вэйдуну и Цзя Пэнфэя. Если Юй Тао притворялся Цзя Пэнфэем в тот день, даже если он не касался руля, он все равно должен был касаться дверей или ручек. Почему в машине не нашли его отпечатков? Только потому, что он все время был в перчатках.

— Видимо, он действительно умнее Лю Вэйдуну, — Цзинь Сюй, который сам не подумал об этом, улыбнулся и сказал Шан Яну:

— Начальник, ты просто гений.

Шан Ян, обычно склонный спорить с Цзинь Сюем, на этот раз искренне восхитился:

— Заместитель начальника Цзинь, ты настоящий гений, ты просто потрясающий.

Цзинь Сюй неловко отвел взгляд, не желая смотреть ему в глаза, и сказал:

— Все, что я сказал, — всего лишь предположения, они бесполезны. А то, что ты заметил, — это уже доказательство.

— Зачем нам друг друга хвалить? — Шан Ян рассмеялся, но затем задумался. — Но то, что я сказал, тоже не помогает. Это только доказывает, что Юй Тао был в перчатках, но не доказывает, что он главный преступник.

Цзинь Сюй, как будто успокаивая ребенка, сказал:

— Постарайся, подумай хорошенько. Если догадаешься, я угощу тебя бараниной.

Шан Ян улыбнулся:

— Лучше ты постарайся. Когда раскроем дело, я угощу тебя самым нежным ягненком.

Цзинь Суй: «...»

Он вдруг покраснел и отвернулся к окну.

Шан Ян не заметил его странного поведения, выпил глоток воды и спросил:

— Сколько еще Ли Цзе будет его допрашивать?

Цзинь Суй ответил:

— Сложно сказать. С такими трудными случаями иногда допрашивают всю ночь.

Шан Ян надеялся, что Ли Цзе сможет что-то выяснить, но понимал, что торопиться нельзя. Допрос — это серьезная битва, и тот, кто первым проявит нетерпение, проиграет.

Он сказал:

— Ты останешься здесь ждать? Я останусь с тобой. Помочь не смогу, но дома все равно не усну.

Раскрытие этого дела подходило к финальной точке, и, возможно, сегодняшняя ночь станет последним сражением.

— Ты уже помог мне, просто находясь здесь, — Цзинь Суй, преодолев странное чувство, посмотрел в окно, вспомнил свои слова и поймал проблеск мысли в хаосе. — Если наши догадки верны... Юй Тао — главный преступник, убивший и выбросивший тело. Но орудие убийства и минивэн не оставили его отпечатков.

Шан Ян сказал:

— Он, должно быть, заранее все спланировал, поэтому во время убийства и сокрытия тела все время был в перчатках.

Цзинь Суй ответил:

— Для этого не обязательно нужен тщательный план. Некоторые люди просто талантливы в преступлениях.

То, как спокойно Юй Тао вел себя во время допроса опытными полицейскими, уже поразило Шан Яна. Возможно, он действительно был одним из таких людей.

Шан Ян сказал:

— Еще один момент, который мне кажется странным. Если Лю Вэйдун был всего лишь соучастником, почему он намеренно показался перед камерами? Даже если он хотел, чтобы полиция нашла его, а затем сыграл свою роль, чтобы сбить их с толку. Но разве это не слишком рискованно? По твоему описанию, он был трусом. Разве он пошел бы на такой риск?

— Он был трусом, когда дело касалось убийства, но, вероятно, не боялся рисковать, — Цзинь Суй, видимо, уже думал об этом, объяснил Шан Яну. — Он был заядлым игроком. У таких людей есть странная вера в удачу, которую обычные люди не понимают. Даже когда они

проигрывают все, они уверены, что в следующий раз обязательно выиграют. Когда такие люди совершают ошибку, они не пытаются исправить ее, а продолжают ошибаться, чтобы заглушить чувство вины и убедить себя, что на этот раз все получится.

Шан Ян подумал и сказал:

— Такая психология встречается довольно часто.

Цзинь Сюй продолжил:

— Поэтому скрытых игроков много, просто у каждого разный уровень самоконтроля и разные соблазны. Лю Вэйдун был типичным примером человека с крайне слабым самоконтролем и огромным тщеславием. Такие люди, попав в зависимость от азартных игр, редко возвращаются на правильный путь.

Он вернулся к делу:

— Если предположить, что Лю Вэйдун действительно был всего лишь соучастником, он намеренно показался перед камерами не только из-за своей веры в удачу, но и потому, что Юй Тао пообещал ему достаточно денег. Просто появиться перед камерой — это легче, чем обмануть Сунь Лину. К тому же Цзя Пэнфэй все равно был убит не им, и если бы правда раскрылась, он мог бы просто выдать Юй Тао. Он не ожидал, что Юй Тао, возможно, уже планировал убить его сразу после того, как они покинут дом Цзя Пэнфэя.

— Но, возможно, он все еще жив? — предположил Шан Ян. — Может, он просто где-то прячется, боясь показаться.

Цзинь Сюй кивнул:

— Если он жив, это даже лучше. Мы сможем привлечь его к ответственности по закону.

Шан Ян, слушая его спокойный тон и глядя на его уверенное выражение лица, понял, что Цзинь Сюй действительно давно оставил прошлое позади.

Эта мудрость и честность в профессиональной этике были редкими качествами.

— Но я не слишком оптимистичен, — добавил Цзинь Сюй. — Если Юй Тао действительно задумал такой план, разве он оставил бы Лю Вэйдуна в живых?

Шан Ян замолчал, понимая, что Цзинь Сюй прав.

— Юй Тао допрашивал меня днем, а затем мой учитель. В обоих случаях его выражение лица и слова словно говорили: «Вы, полицейские, ничего не сможете сделать. Я не оставил вам никаких доказательств. Черт побери».

Последние слова он произнес на своем диалекте, и Шан Ян понял их смысл, который был эквивалентен крепкому ругательству.

Цзинь Сюй сказал:

— Использовал ненормативную лексику. Я сознаюсь, начальник, не ругай меня сильно.

Шан Ян: «...»

За все эти годы у него было слишком мало опыта работы на передовой, и он сталкивался с настоящими преступниками лишь изредка. Теоретические знания о полицейской работе, которые он накопил, годились разве что для того, чтобы впечатлить Юань Дина. Его сильная сторона заключалась в исследованиях и разработке систем управления и безопасности.

Когда дело касалось реального расследования, его знания оказывались бесполезны.

Шан Ян сказал:

— Редко слышу, как ты говоришь на своем диалекте. Звучит приятно.

Если он не мог помочь в расследовании, то хотя бы мог сказать несколько приятных слов, чтобы поддержать коллег на передовой.

И диалект провинции Шэньси действительно подходил Цзинь Сюю, и даже то короткое ругательство звучало с его уникальным шармом.

— Продолжим, — сказал Шан Ян. — Если Юй Тао действительно не оставил никаких зацепок, и Ли Цзе ничего не выяснит, значит, мы действительно ничего не сможем сделать?

Цзинь Сюй ответил:

— Не то чтобы совсем ничего.

Он указал на доску, и Шан Ян последовал его взгляду. Цзинь Сюй показывал на фотографию орудия убийства — мотыги.

Шан Ян с недоумением спросил:

— Она может доказать только то, что Лю Вэйдун убил.

— Когда она была оставлена в доме Цзя Пэнфэя — это уже большая зацепка, — Цзинь Сюй, высокий и длинноногий, оперся на стол, почти сев на него, скрестил руки и, размышляя, сказал:

— Это не могло произойти в тот день, когда Юй Тао и Лю Вэйдун вернулись в дом Цзя на минивэне. Лю Вэйдун был не самым умным, но и не дураком. Юй Тао вряд ли стал бы оставлять окровавленное орудие в доме на его глазах. Значит, оно было оставлено там позже.

Шан Ян спросил:

— Ты имеешь в виду, что Юй Тао снова пришел в дом Цзя Пэнфэя позже, чтобы оставить мотыгу?

Цзинь Сюй кивнул:

— Он уже был там с Лю Вэйдун, прошел по деревенской дороге ночью. Вернуться туда снова для него не составило бы труда.